

УДК 341.231.14

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НАРОДОВ КРЫМА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИЦИРУЕМОСТИ «УКРАИНСТВА»

Михайлов В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП)

В статье исследуются проблемы защиты права народов Крыма на выбор собственного пути дальнейшего существования, культурного и политического развития. Рассмотрены причины решения народов Крыма в 2014 г., в числе которых отмечена проблема «идентифицируемости» на Украине в отношении культурно-исторического, правового, языкового и административного единств, которые обеспечивают коллективную национальную идентичность и позволяют создать в государстве единую неконфликтную правовую систему. Отсутствие этого привело к декларативности унитарного устройства украинского государства, региональным конфликтам, социальному напряжению. Поскольку, как признает ряд современных теоретиков права, отечественных и зарубежных, автономия не стала гарантией реализации национальной группы своего права на самостоятельное развитие, народы Крыма своим решением на референдуме восстановили это право. Попытки Украины на международном сообществе делегитимизировать законное и правовое решение народов Крыма показывают, что двойные стандарты продолжают влиять на развитие и реализацию системы международного права и правовой защиты, что требует от руководства Российской Федерации продолжать работу по приведению в соответствие международных правовых деклараций и реальности жизни народов.

Ключевые слова: правовая защита, присоединение Крыма к России, коллективная идентичность, групповое право народов, идентифицируемость группы, права меньшинств, право на самоопределение, автономия, федерализация, дифференцированное государство.

Одной из актуальных проблем Украины, крупного по территории и населению европейского государства, однако не имевшего длительного исторического опыта независимости, является сложная идентифицируемость украинскости, то есть отсутствие в понятии «украинец» многих значимых групповых спецификаций, помимо территориальной принадлежности к новому украинскому государству. Известный теоретик права профессор В. Ван Дайк полагает, что только вполне определяемые общности, которые «существуют как целое, а не случайное собрание индивидов», могут быть идентифицируемы как группа или коллектив. Их социальное существование должно отвечать критериям длительности, стабильности и устойчивости к социальным изменениям. В противном случае с точки зрения правового статуса они не могут быть выделены и для их обозначения применимы термины «категория» или «контингент» [17, р. 21]. Можно сказать, что как целое, украинский народ такого статуса не имеет, более того, отсутствуют и основные факторы идентифицируемости. Использование украинского языка, который, при этом, сильно различается в различных разных регионах Украины, не является идентификатором «украинства». Украина, административно всегда существовавшая в рамках иных государственных образований, часто нескольких сразу, не имеет собственного, уникального нормативно-правового идентификатора, который

отличал бы украинца в его самосознании своего правового статуса, опирающегося на базовые суверенные правоопределяющие акты.

Большинство историко-политических идентификаторов «украинства» также не имеют исторической перспективы, ввиду чего за таковые признаются любые существовавшие в истории на территории современной Украины антицентристские или антигосударственные индивидуальные и коллективные движения, анархистские, революционные и антиреволюционные, коллаборационистские и, что особенно отличает Украину, откровенно криминальные. В настоящее время это приводит к тому, что политическая идеология «украинства» сложно встраивается в общее международное правовое поле, на что постоянно указывают европейские и американские политики, требующие от украинских лидеров обеспечить в стране, если она желает стать равноправным партнером верховенство закона и права.

Большие вопросы вызывает и вопрос о границах государства Украина, которые также не имеют четких исторических определенностей, и часто проводились произвольно или в зависимости от административных соображений управляющих различными территориями инстанций. Отсутствие или спорность этих идентификаторов, в первую очередь, и приводят к конфликтам, поскольку не возникает согласия в признанности как внутри государства, так и на международном уровне относительно основных целей и форм единого, общегосударственного правового поля, его систематизации, приспособления к социальной и политической реальности Украины как суверенного государства.

Унитарный тип государства, декларируемый конституцией Украины, никак не отвечает действительному состоянию страны и самосознанию и правовому самочувствию значительных групп населения. Поэтому отсутствует общее, консенсусное доверие к основному закону страны, что, несомненно, является препятствием к развитию и принятию правовых и нормативных актов, следующих далее по иерархии прав и конкретизирующих общие установки конституционных прав, свобод и обязанностей.

Крым и его население в период нахождения территории в составе независимого украинского государства в еще меньшей степени можно было идентифицировать как «Украину» и «украинцев». В целом, исторически, экономически, этнически, традиционно-культурно Севастополь, Крым и все национальные, языковые и иные группы, проживающие в регионе, все годы неестественного политического единства с Украиной, оставались российской территорией и российским населением, что и подтвердили окончательно события 2014 года.

На примере Крыма можно видеть, что декларируемая законом автономия оказалась фикцией, подтверждая замечание П. Торнберри, что «говоря о правах меньшинств, автономизация является лишь курсом, политической прагматикой, но ее выражение лишено четко определяемых правовых норм. Автономия, это не столько правовая регламентация, сколько форма политической гарантии» [14, р. 123]. Отечественные правоведа С.Н. Горбунов и Б.А. Молчанов также отмечают, «несмотря на возросшую в 1990-х гг. популярность автономии и децентрализации власти в целях решения этнических конфликтов как на национальном, так и на международном уровнях, автономия так и не получила надлежащего оформления в международном праве. Как правило, вопросы образования и существования

автономий относятся к конституционному праву, будучи, таким образом, выведены из сферы контроля международного права» [3, с. 371].

Боязнь всех нынешних украинских политических лидеров признать федеративный по своему историческому прошлому, особенностям культурного наследия (включая языковой) и административного опыта характер украинского государства, и стали основной причиной отделения Крыма и восточных областей Донбасса. Инициатором этих событий, безусловно стал скандальный закон о языке, откровенно ущемляющий права большей части украинского населения.

Согласно международным стандартам соблюдения прав меньшинств, изданным ООН в 2010 году, «к сфере защиты прав меньшинств относятся:

- выживание и существование;
- поощрение и защиты самобытности;
- равенство и дискриминация;
- эффективное и действенное участие в жизни общества» [7, с. 8-14].

Можно определенно сказать, что последние три пункта этих рекомендаций были нарушены в отношении русскоязычного населения Украина после принятия закона о языке.

Можно отметить, что в 1994 г. американский правовед П. Чейз, рассматривая ситуацию в Крыму после распада СССР и вхождения его в состав Украины, приветствовал сохранение русского языка в качестве главенствующего в этой русскоязычной автономии [11, р. 218]. Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г. также наделяет национальные меньшинства правом использовать родного языка при создании общественных организаций, средств массовой информации, торговых и промышленных предприятий, культурных и образовательных учреждений [6]. Когда же это неотъемлемое право было нарушено после событий 2014 г., международные правозащитные организации никак на это не отреагировали.

При этом, в современной теории права имеется достаточно попыток избежать распада государства при том, что будет признана широкая правовая самостоятельность отдельных его групп и территорий. Так, В. Климика, выдвинул концепцию «дифференцированного гражданства», согласно которой коллектив и группа имеет возможность на признание своих определенных и отличных от общих прав в рамках государственной юридической и правоприменительной системы [12, р. 173-175]. Он полагает, что в этом случае социальная практика сама по себе снова приведет к единству, в том числе, юридического содержания государства и социума как результат «неконфликтной политики гражданских групп, не подавляемых большинством» [12, р. 175]. В. Ван Дайк указывает на «социализирующий характер группы», ее способность формировать и транслировать особые личностные характеристики, приводящие к общему стремлению группы их сохранять, а для личности к стремлению идентифицировать себя с группой, как на фактор определенной идентичности, дающей группе особые «правовые достоинства», которые должны быть признаны и определены нормативно [16, р. 180]. В различных современных теориях права групповая идентичность является чрезвычайно существенным элементом разработки целостной системы коллективных и групповых прав, поскольку неидентифицируемая государством группа в лице входящих в нее индивидов, как это произошло в Прибалтике с русскоязычным

населением, может быть исключена из-под действия государственной правовой и юридической системы. Однако вопрос о соблюдении политических и языковых прав русскоязычного меньшинства члены Европарламента целиком оставили на произвол прибалтийских правительств, отмечая, что в общеевропейском пространстве Шенгена статус «не граждан» не препятствует им перемещаться и работать [2].

Тем не менее, как показывает практика, благие мысли теоретиков редко становятся для политиков руководством, что особенно ярко показали действия международных организаций в отношении народов Крыма. Украинские правоведы, не признающие правовой статус общенародного референдума в Крыму об отделении от Украины и присоединению к Российской Федерации, голословно утверждают, что «принцип ООН на право народов (наций) на самоопределение не может быть применен в отношении Крыма, поскольку, крымчане не идентифицируют себя как отдельный народ (нацию) и не стремятся создать собственное государство» [10], что, как можно видеть по борьбе крымчан за свои политические права на протяжении более 30 лет, является совершенной ложью.

Парламентская Ассамблея Совета Европы бездоказательно и в нарушение множества декларируемых международных прав заявила: «результат... референдума и незаконная аннексия Крыма Российской Федерацией, следовательно, не имеют юридической силы и не признаются Советом Европы» [13]. Более того, заключение Венецианской комиссии о крымском референдуме создало реальную правовую коллизию в отношении соотношения государственного и международного права, определив, что «Конституция Украины, как и другие конституции государств-членов Совета Европы, предусматривает целостность страны и не позволяет проводить какой бы то ни было местный референдум об отделении от Украины» [4]. При этом не были учтены декларируемые международным сообществом права народы Крыма как на не нарушение его языковых, культурных, политических прав, и сам факт того, что как отмечает В.Л. Толстых, «...исключение [народа Крыма] из политического общения и возникновение угрозы его национальной идентичности» [9, с. 43]. Так же не отвечает исторической реальности утверждения противников решения крымского референдума о том, что «в Автономной республике Крым отсутствуют признаки подчинения народа иностранному игу, господству и эксплуатации». Последовательное поражение в правах даже в рамках формальной автономии и подчинение всей законотворческой и исполнительной ветвей власти Крыма центральным органам власти Украины по сути сводило правовой статус Крыма и права его населения к зависимой территории.

Одним из спорных пунктов в «крымском вопросе» является наличие двусторонних и многосторонних договоренностей между Российской Федерацией и Украиной и с их участием, которые как утверждается некоторыми, Россия нарушила. Так, Хосе Игнасио Торребланка утверждает, что «Россия нарушила условия Будапештского меморандума «о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», подписанного 5 декабря 1994 года лидерами Украины, США, России и Великобритании» [15], дающего гарантии Украины на территориальную целостность. Но в принятом дополнительно к меморандуму заявлении лидеров РФ,

США, Великобритании и Украины были указаны пункты, согласно которым представитель Украины Л.Д. Кучма подтвердил обязательства страны обеспечить, «чтобы страны и народы не подвергались более угрозе военной силы или другим нежелательным последствиям агрессивного национализма и шовинизма» [8]. События на Украине после смены власти в 2014 г. показали значительный рост на Украине этих настроений, угрозе безопасности русскоязычного населения и нарушению меморандума, что и привело к решению народа Крыма. При этом, Будапештский меморандум, накладывая обязательство «уважать» территориальную целостность стран, не обязует Россию или другие страны-подписанты принуждать народы Крыма остаться в составе Украины или иным способом препятствовать осуществлению права народов на политическое и национальное самоопределение.

Кроме того, условия меморандума включали оговорку «кроме целей самообороны», что в условиях государственного переворота и свержения законной власти на Украине, давали все основания опасаться за безопасность военных объектов и находящихся на них на законных основаниях граждан России. Также не определяют необходимость запрета на самоопределение Крыма договоры Российской Федерацией о дружбе и границе, более того, государственный переворот, лишивший власти законного президента Украины и правительство Украины, сделал прежние двусторонние договора юридически ничтожными.

Правовые репрессии международного сообщества «в отношении решения народов Крыма, отказавшегося от неестественного положения меньшинства в границах Украинского государства, не признающего их прав на самостоятельное и культурно-независимое развитие, использование родного языка, образования, исторического наследия и других, казалось бы гарантированных прав, относящихся ко всем гражданам, явно указывают на противоречивость правозащитной теории, позволяющей оправдывать эти репрессии, и неравенство в правозащитной практике, не позволяющее прекратить нанесение ущерба не только отдельным группам населения, но всему населению Крыма» [5, с. 275]. Отстаивание прав народов и групп населения Крыма различного статуса, борьба за их признание и наделение правоспособностью всех уровней является актуальной целью российской политики в области международной правовой защиты. При этом остается актуальным утверждение Ю.А. Антохиной, В.М. Боева и П.П. Глуценко, что «доводка механизма международно-правовой защиты прав и свобод граждан требует совместных действий международных и национальных правозащитных структур, межгосударственных организаций, политических, экономических и организационно-правовых усилий со стороны всего международного сообщества» [1, с. 122], а «результаты международной правозащитной деятельности прямо пропорциональны уровню взаимоотношений между государствами» [1, с. 121].

Список литературы

1. Антохина Ю.А., Боев В.М., Глуценко П.П. Правозащитная деятельность: теория и практика защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. СПб.: ГУАП, 2016. 562 с.
2. В Европарламенте оправдали дискриминационные законы против русских в Прибалтике. – URL: <https://life.ru/1118832/> (дата обращения: 10.10.2020)
3. Горбунов С.Н., Молчанов Б.А. Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению. ООН: Нью-Йорк, Женева, 2010. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.

4. Заключение Венецианской комиссии о крымском референдуме (полный русский текст). – URL: <http://argumentua.com/reportazh/zaklyuchenie-venetsianskoi-komissii-o-krymskom-referendume-polnyi-russkii-tekst>. (дата обращения: 10.10.2020)
5. Лосев К.В., Михайлов В.В. Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. № 3 (52), 2020. С. 272-277.
6. Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка. – URL: osce.org/files/f/documents/j/2/67541.pdf (дата обращения: 10.10.2020)
7. Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению. ООН: Нью-Йорк, Женева, 2010.
8. Совместное заявление, сделанное 5 декабря 1994 года в Будапеште лидерами Российской Федерации, Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, и Украины // Генеральная Ассамблея ООН. Сорок девятая сессия. Пункты 62 и 70 повестки дня. A/49/765. S/1994/1399. 19 December 1994. Russian original.
9. Толстых В.Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72).
10. Юридическое обоснование незаконности присоединения Крыма к России в 2014 г.: законы ООН и Украины. – URL: <https://zrada.org/hot/11-krim-chornomorskij-flot/827-juridicheskoe-obosnovaniye...> (дата обращения: 10.10.2020)
11. Chase P. Conflict in Crimea: An Examination of Ethnic Conflict under Contemporary Model of Sovereignty // Columbia Journal of Transnational Law. 1995. No 34.
12. Kimlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
13. Parliamentary Assembly of Council of Europe resolution of 9 April 2014 (1988 (2014)) Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. – URL: <http://semantic-space.net/tools/pdf.aspx?doc>. (дата обращения: 10.10.2020)
14. Thornberry P. Images of Autonomy and Individual and Collective Rights in International Human Rights on the Rights of Minorities. Kluwer Law International.
15. Torreblanca J.I. El Pais. – URL: <https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm> (дата обращения: 10.10.2020)
16. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
17. Van Dyke V. The Individual, the State and Ethnic Communities in Political Theories // The Rights of Minority Cultures. Dordrecht, 1995.

Mikhailov V. V. Legal protection of the peoples of Crimea and problems of identifiability of «ukrainism» // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 5 (73). № 4. – P. 43-49.

The article examines the problems of protecting the right of the Crimean peoples to choose their own way of further existence, cultural and political development. The reasons for the decision of the peoples of Crimea in 2014 are considered, including the problem of "identifiability" in Ukraine in relation to cultural, historical, legal, linguistic and administrative units that provide a collective national identity and allow creating a single non-conflict legal system in the state. The lack of this has led to the declarative nature of the unitary structure of the Ukrainian state, regional conflicts, and social tension. Since, as a number of modern legal theorists, both domestic and foreign, recognize, autonomy did not guarantee the realization of the national group's right to independent development, the peoples of Crimea restored this right by their decision in a referendum. Attempts by Ukraine and the international community to delegitimize the legitimate and legal decision of the peoples of Crimea show that double standards continue to affect the development and implementation of the system of international law and legal protection, which requires the leadership of the Russian Federation to continue working to bring international legal declarations into line with the reality of peoples' lives.

Keywords: legal protection, annexation of Crimea to Russia, collective identity, group law of peoples, group identifiability, minority rights, right to self-determination, autonomy, federalization, differentiated state.

Spisok literatury

1. Antohina YU.A., Boer V.M., Glushchenko P.P. Pravozashchitnaya deyatel'nost': teoriya i praktika zashchity prav, svobod i zakonnyh interesov chloveka i grazhdanina. SPb.: GUAP, 2016. 562 s.

2. V Evroparlamente opravdali diskriminacionnye zakony protiv ruskikh v Pribaltike. – URL: <https://life.ru/1118832/> (data obrashcheniya: 10.10.2020)
3. Gorbunov S.N., Molchanov B.A. Prava men'shinstv: mezhdunarodnye standarty i rukovodstvo po ih soblyudeniyu. OON: N'yu-Jork, Zheneva, 2010. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
4. Zaklyuchenie Venecijskoj komissii o krymskom referendumе (polnyj russkij tekst). – URL: <http://argumentua.com/reportazh/zaklyuchenie-venetsianskoi-komissii-o-krymskom-referendume-polnyi-russkii-tekst>. (data obrashcheniya: 10.10.2020)
5. Oslovskie rekomendacii o pravah nacional'nyh men'shinstv v oblasti yazyka. – URL: osce.org/files/f/documents/j/2/67541.pdf (data obrashcheniya: 10.10.2020)
6. Losev K.V., Mihajlov V.V. Avtonomiya i nacional'noe samoopredelenie kak formy pravovoj zashchity kollektivnyh (gruppovyh) prav // Biznes. Obrazovanie. Pravo. № 3 (52), 2020. S. 272-277.
7. Prava men'shinstv: mezhdunarodnye standarty i rukovodstvo po ih soblyudeniyu. OON: N'yu-Jork, Zheneva, 2010.
8. Sovmestnoe zayavlenie, sdelanoe 5 dekabrya 1994 goda v Budapeshte liderami Rossijskoj Federacii, Soedinennogo korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii, Soedinennyh SHtatov Ameriki, i Ukrainy // General'naya Assambleya OON. Sorok devyataya sessiya. Punkty 62 i 70 povestki dnya. A/49/765. S/1994/1399. 19 December 1994. Russian original.
9. Tolstyh V.L. Vossoedinenie Kryma s Rossiej: pravovye kvalifikacii // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2014. № 5 (72).
10. Yuridicheskoe obosnovanie nezakonnosti prisoedineniya Kryma k Rossii v 2014 g.: zakony OON i Ukrainy. – URL: <https://zrada.org/hot/11-krim-chornomorskij-flot/827-juridicheskoe-obosnovaniye...> (data obrashcheniya: 10.10.2020)
11. Chase P. Conflict in Crimea: An Examination of Ethnic Conflict under Contemporary Model of Sovereignty // Columbia Journal of Transnational Law. 1995. No 34. -
12. Kimlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
13. Parliamentary Assembly of Council of Europe resolution of 9 April 2014 (1988 (2014)) Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. – URL: <http://semanticpace.net/tools/pdf.aspx?doc>. (data obrashcheniya: 10.10.2020)
14. Thornberry P. Images of Autonomy and Individual and Collective Rights in International Human Rights on the Rights of Minorities. Kluwer Law International.
15. Torreblanca J.I. El Pais. – URL: <https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.htm> (data obrashcheniya: 10.10.2020)
16. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // The Journal of Politics, No 44, 1982.
17. Van Dyke V. The Individual, the State and Ethnic Communities in Political Theories // The Rights of Minority Cultures. Dordrecht, 1995.